

ВРЕМЕНА ГОДА

Черная осень

Красная зима

Белая весна

Золотое лето

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
БЕЛАЯ
ВЕСНА

МОСКВА
2022

Глава 1

*Женщина там на горе сидела.
Ворожила над травами сонными...
Ты не слыхала? Что шелестело?¹*

Аделаида Герцык. «Весна»

Яна, Русина. Синедольск

План писали на бумаге, но забыли про детей. А те быстро перевели оную бумагу в туалетную. Судьба такая.

Когда у тебя на руках четверо малышей, когда ты женщина, когда ты находишься в городе, а город в стране, охваченной революцией... да и с деньгами у тебя не так чтобы очень и весело. Нет у Яны миллионов и не... ладно. Были. Но фамильные драгоценности она сама отправила с сестренкой и сейчас даже гадать не станет, где они все находятся.

А деньги...

Деньги таяли.

Вы знаете, сколько стоят продукты?

Скоро за паршивую курицу будут сотню драть бумажки, и то — не достать. Золотом, понятно, меньше, но тут есть еще одна тонкость. Та самая, от которой погибла несчастная Аксинья.

Женщина. Деньги. Смутное время.

Дальше — объяснять или дураков нет? То-то и оно, что грязи много лезет. Яна подумала, да и договорилась с трактирщиком, что будет к нему пару раз в день приходиться за продуктами.

¹ Все названия глав взяты из стихотворения Аделаиды Герцык «Весна». (Прим. авт.)

Когда?

А это уж она сама скажет, чтобы не примелькаться, в одно и то же время. И все равно...

Жить в трактире? Матвей предлагал, но Яна не решилась. Четверо. Детей.

Трое — маленьких. Подвижных. У которых только на время болезни есть определенные проблемы, а так... шилохвостики! И нет иного слова!

Это нереально. Она за ними уследить не сможет и уберечь тоже не сможет. Это трактир, а не монастырь... хотя в монастыре она тоже побывала. Хватит нам таких радостей! Только закрытая территория! Своя!

А насчет стресса она чуточку ошиблась.

Сначала заболел Гошка. И провалялся в кровати чуть не десять дней. Яна строго следила за состоянием сына. А как тут иначе? До антибиотиков — как до мирного времени, далеко и долго, а Хелла... она вообще не по лечебной части. Были у Яны подозрения, что если она у сына болячку запустит, так ей никакая богиня не поможет. А еще догонит и добавит. И права будет.

Что ей стоит выдержать сына в кровати подольше? Чтобы все симптомы ушли, в том числе и кашель? Тяжелый, нутряной, выматывающий...

В таком состоянии она мальчишку никуда не повезет, это ясно. Зима... загнется же на дороге! А у нее другая цель! Так что дней десять Гошка лежал. А когда Яна порадовалась, что ему можно хотя бы по дому бегать (в теплом свитере и шерстяных носочках), свалились на пару Мишка и Машка. Где-то она не уследила.

Или инфекция какая?

Все возможно, здесь и сейчас не определить. Анализ крови нужен, а кто его сделает? Доктора найти можно, но... Яна тупо боялась вести его в дом, к детям. По той же печальной причине.

Она знала, что творилось в России в девяностые. Чтобы врач спокойно практиковал в тяжелые сложные времена, ему что нужно? Правильно, крыша.

Не та, что на доме, а та, что поможет, охрану предоставит, защитит... ну и посмотрит, кто пришел, чем отблагодарил...

Поэтому Яна плюнула и положилась на свои знания. Лес же! Кордон! Фитотерапия? Да, практически — это наше все. Чабрец, душица, лишайник, который пармелия, зверобой, лист малины и земляники...

Ненаучно? Скушай, деточка, таблеточку?

Ага... к Янинуму отцу на кордон за барсучьим жиром приезжали. И платили золотом по весу. И так платили, сколько Петр просил, хоть он и не жадничал. Один из мужчин для матери брал, говорил, что только это и помогло. А Петру все было в радость. Ему и траву было запасти несложно, Яна еще и охотно помогала, и засушить правильно — это ж тоже важно! А то скосят лопух косой, чуть ли не под забором, а потом плачутся!

Чтобы трава помогала, думать надо! У нее есть свое время сбора, свой срок, свои правила, и сушить ее надо по-разному, и употреблять тоже... на все умение нужно!

У Яны оно было. Барсучьего жира она, конечно, здесь не нашла, пришлось гусиным обходиться, ну так хоть что-то!

Настойки, отвары, мази...

На ноги она детей поставила, заодно и Топычу для профилактики досталось фитотерапии, но времени прошло... едва не месяц! А может, и к лучшему. В не испорченной промышленностью и демократией Русине погода разыгралась не на шутку. Кружило, пуржило, вьюжило... и сугробы навалило до второго этажа, без всякой экологической катастрофы!

Ехать куда-то?

Яна и одна бы по такой погоде не рискнула. Сугробы были — неубиваемые и непобедимые, по улице не пройдемшь, только с лопатой наперевес! На первом этаже даже днем темновато было. Да оно и к лучшему, пожалуй. Те окна, что во двор, Яна отчистила, там дети и играли. А так...

Через такой снег никто лишних огоньков не увидит, даже если поймут, что дом жилой... не поймут ни кто живет, ни сколько человек внутри. А значит, и не полезут.

В логике шакалам смутного времени тоже отказать нельзя. Ни один отморозок не полезет в клетку, не зная, кто его ждет.

Мышь? Корова? Крокодил? Голодный ягуар, приветливо облизывающийся на твою печенку? Проверять — себе дороже, лучше поискать добычу попроще и полегче. Себе по зубам.

Хотя учить детей законной самозащите Яна уже начала. И начала с простенькой игры: ножички. Расчертил круг, кинул нож, если тот воткнулся — отсекаешь у соперника кусок территории. Упал? Пропуск хода...

Яна под это дело целую комнату выделила. И плевать на деревянный пол! Ей здесь не век вековать! А ножи...

Пусть учатся.

Под присмотром Топыча, под приглядом самой Яны, но учатся. Потому как поди метни нож — правильно.

А еще праца и мишени, нарисованные на стене. И приз за лучшее попадание.

Города, скамейки, бабки-дедки, танчики...¹

А морской бой с ножиками? А футбол с ними же?

Дети были счастливы. Дети были заняты. Яна была довольна. И энергия расходуется, и по делу, не просто так... Машка крутилась рядом с ней на кухне, спрашивала про травы, потом опять удирала играть с мальчиками. Раньше не давали, а так интересно было! И никакого вышивания!

Зато сказки по вечерам! И какие!!!

Дети слушали, открыв рты. Уж что-что, а книг Яна прочитала достаточно, сериалы смотрела, было о чем поведать малькам. Скука их не мучила, одного Льюиса с его Нарнией можно было год рассказывать. А вот безденежье...

Потому и стояла сейчас Яна на темной улице. И ждала подходящего момента. А началось это дело незаконное с самого обычного разговора.

¹ Возможно, у кого-то игры в ножички назывались иначе. Автор не претендует, но в детстве — обожала! С полного разрешения родителей. (Прим. авт.)

* * *

— Благодарствую, Матвей Игнатьевич.

— Что вы, тора, это я вам благодарен. По нашим-то тяжким временам...

Яна вздохнула:

— И то верно. Может, скоро и ходить к вам не смогу.

— Деньги, тора?

— Деньги.

Матвей возвел глаза к небу:

— Да, тора, в страшное время мы живем. Когда у благородных людей последние медяки заканчиваются, а всякая мразь жирует да еще пальцы облизывает.

Яна подняла брови:

— Это ты про Комитет Освобождения? Или кого поближе нашел?

Дело нехитрое, если человек заводит разговор в духе: «это не вы, а обстоятельства», значит, у него и имя есть, и адрес, и даже подробности о личной жизни «обстоятельства». Это в любые времена так.

— Чего там искать, тора. Есть в Синедольске такой... Поганец.

— Это имя или прозвище?

— По имени-то он уважаемый Егор Михайлович, а вот по фамилии и впрямь — Поганец. Нарекли их род, значит, и не промахнулись.

— И что?

— Вот он долю малую собирает. Где с трактиров, где с чего...

Предок рэкета? Крышуем за деньги, несогласным вырываем фундамент по самый чердак?

Яна прищурилась:

— Матвей Игнатьевич, ты ведь не просто так этот разговор завел?

— Нет, не просто так, тора. Не хотите наверх подняться, по кружечке сбитня выпить?

- Кроватями поскрипеть? — прищурилась Яна.
- А хоть бы и ими...
- Пожалуй, можно...

* * *

Понятно, никаких сексуальных отношений между Яной и трактирщиком как не было, так и не было. Но уж больно прикрытие хорошее.

Уединились баба с мужиком? А зачем?

Подходит кто к двери, а оттуда и слышно, как кровать поскрипывает. Ну... понятное дело. Житейское.

Разговоры?

Да помилуйте, кто ж с бабой о делах разговаривает? Она ж БАБА!

Яна идеалы феминизма отстаивать не собиралась. Ей эта бредятина даром не нужна была! Сначала феминизм, а потом шпалы укладывать и асфальт? Разбежалась!

Поэтому — да, она баба! Тупая и глупая. И хорошо разбирается только в том, как картошку варить. А шпалы пусть умный мужчина укладывает.

В небольшой комнатке было чисто и уютно. Яна уселась на кровати и принялась ею поскрипывать. Жом Матвей устроился рядом, на стуле.

— Тора Яна, плохие времена наступают. Черные.

— Согласна. Уже наступили. На... это самое.

— В такие времена без денег плохо.

— В любые времена без денег плохо.

— Кому плохо, а кто и сейчас не бедствует. Вот этот самый Поганец. Ему с каждого трактира, с каждой лавочки долю несут. Небольшую, я пару серебряных в десять дней плачу, а только трактиров много. И лавочек много. Так вот и набирается не одна сотня в месяц.

— А тебе откуда это известно? Да еще в подробностях? Неужто он тебя с попом перепугал и исповедался?

Жом Матвей насмешки и не заметил.

— Не мне, тора. Племяшка у меня, Сонька. Девка красивая, да не шибко везучая. Муж был, да зимой в полынью по-

пал, поморозился. А бабе без мужика хозяйство поднять, что петуху на колокольню взлететь. Хоть все перья оставь — не получится.

— А ты не помог, что ли?

— Обижаете, тора. Я ей говорил, приходи, к себе возьму, а как обтешешься, в хороший дом пристрою.

— И пристроил?

— Если бы... у меня в трактире ее Кабан увидел.

— Кто?!

— Он дань для Поганца собирает.

— Ага... Потребовал приложить чего-нибудь к дани? Кого-нибудь?

— Сонька гулящей не была. Но иногда случалось... жизнь такая.

Яна кивнула.

Бывает. Здоровье — оно в любом мире здоровье. И молодое тело своего требует, что ж теперь — монашкой жить? Вдова — это не покойник, ей много чего надо!

— И с Кабаном случилось? По доброй воле?

— Почти что по доброй. Он предложил, а она отказываться не стала. Чего, мол, ломаться, не сотрется. Я Соньке говорил: уходи, а ей вот красивой жизни захотелось. Расстаралась племяшка, попала сначала к Кабану, от него к Поганцу...

— А потом?.. — догадалась Яна.

Чего уж там, и не такие истории слышала.

— А потом пропала. Как не бывало. Но про Поганца рассказать успела. И что на красивых баб он падок. И что деньги ему привозят, а уж он в конце месяца их в банк относит...

Яна задумалась.

— Считай, конец января на носу...

— У него и без денег, наверное, поживиться можно. В доме сам Поганец, двое слуг да двое охранников.

— Слуги?

— Муж да жена. Она кухарит да убирает, он по хозяйству всякое разное делает.

— Понятно. Все, кроме одного: с чего ты мне это рассказываешь.

Темные глаза Матвея сверкнули тяжелой, неизбежной яростью. Из тех, что и за сто лет не потухнет, и за двести не рассеется. Такую и смерть не закроет.

— Сонька хоть и дура, а все ж... двое детей сиротами остались.

— На тебе?

— Ейная мамаша, моя сестрица, их забрала, а все одно, без мамки несладко. И я в том виноват.

— Ага, ты ее в постель подкладывал.

— Не я. Но убивать все ж не стоило.

Яна вздохнула.

А то у них такого не бывало. Как вообразит себя очередная метелка невероятной красавицей да умницей, так и вялается. По уши. Скольких таких красивых по лесу находили... подснежники называются. На Янином счету три штуки было...

Как по ним потом родные убиваются...

Зато пожилы красиво. Месяца два. Или даже полгода. Дуры.

— А от меня ты что хочешь?

— Половину, тора. Сведения мои.

— А риск мой. Там может больше людей оказаться...

— Без меня вы о том никогда не узнаете, ни дома, ни адреса...

Яна вздохнула.

Тоже верно.

— А еще... — Матвей улыбнулся краешком губ. — Говорят, у Поганца возок есть хороший! И кони что ветер. Сейчас они дороже золота.

Все.

Ради такой информации Яна готова была продаваться.

Возок! Фактически — карета на полозьях!

Она может погрузить всех своих обормотиков! Может погрузить запас продуктов. А лошадь...

Справится. Обязана. Ну и с Топычем посоветуется.

— Дай мне время подумать, Матвей.

— Месяц на исходе, тора.
— Авось до завтра не закончится.
— И то верно. Ежели что — за байки головой не платят...

Платят, вообще-то. Но Яна не стала заострять на этом внимание. Поскрипела еще немного кроватью, расстегнула пару пуговичек, попрощалась, да и пошла себе.

Чтобы дома поговорить с Топычем.

* * *

— Возок? Яна, это ж...
— Лошадь. Топыч, лошадь...
— А что с ней не так?
— Ты сможешь ее запрячь?
— Ну да... Чего там не смочь?
— А что надо лошади на день пути? Что она жрать будет?
— Энто... овес, сено...
— Энто — сколько в килограммах?
— Чего?

Яна вздохнула.

Как-то не сильно она с лошадьми возилась. Да, бывало и такое на кордоне, но не слишком часто — «уазик» был куда как удобнее. И не гадил.

Совместными усилиями выяснилось, что лошади на день надо примерно двадцать — двадцать пять килограммов корма. Примерно пять кило овса, вдвое больше сена, а то и втрое, как работать будет, по паре килограммов отрубей и моркови. Соль нужна, вода нужна...

Воду придется топить в ведре, на костре. Потому как пьет взрослая лошадь до восьмидесяти литров в день. Воды, не водки.

Лошади нужно отдыхать — и кратко, и длительно. Лошадь нужно вываживать. Зимой, правда, лошадь пьет меньше. Но все равно — возня.

Это на картинах все так красиво и вальяжно, а в жизни... она еще и гадит. И растирать ее надо, и накрывать на ночь. Но выбора все равно нет.

Или они пробуют выбраться из города и добраться до деда Мишки и Машки, или...

Еще не факт, кстати, что Федор Михайлович Меншиков не уехал. Что дождется их...

Что им повезет...

Марфа, конечно, говорила, что отец ждет. Ну так.. сроки-то все, небось, прошли! Прохор и свою семью погубил, и ей хомут на шею нашел... ладно! Что Мишка, что Машка — два солнышка. Ради таких и задержаться не жалко, Яна б себе в жизни не простила, пройди она мимо. Но их отца это ни капельки не оправдывало.

Топыч был настроен вполне уверенно, фуражом Яна собиралась разжиться в доме у Поганца, там и в сани погрузить. Вот как коня запрячь...

Черт его знает! Но есть другой вариант. Если все складывается — рысью за Топычем, а уж с ним и запрягать, и все остальное...

Яна отлично понимала, что если они возьмут этот куш... уходить придется сразу. И быстро. Разве что трактирщику его долю завезти.

Матвея тоже понять можно: Яна для него идеальный вариант. Крови не боится, одиночка, мало того, скоро из города вовсе уйдет, никто и не узнает от нее ничего.

Кстати, о Матвее...

Яна почесала кончик носа и решила навеститься к Матвею за маленьким мастер-классом. А чего?

Пусть он ее научит, как правильно запрягать лошадь! Вот и решится проблема, и за Топычем бегать не надо будет.

* * *

Лошадь Яна запрягала раз двадцать. Потом поняла, что не запутается во всей этой сбруе, и выдохнула. Теперь она не перепутает чересседельник с седелкой, а шлею с трензелем. Который, кстати, надо согреть в ладонях, а то железо холодное, а рот у лошади нежный.

Тьфу, блин!

Зачет по философии получить легче, чем лошадь заседлать! А еще эта коняга любит брюхо надувать. А этого никак нельзя делать, сбруя свалится...

А еще лошадь лягается, кусается (больно) и толкается крупом (пóпом! Исподтишка!!!). Скотина! Еще и на ногу наступить норовит...

Определенно, Яна не любила лошадей.

А сейчас стояла, смотрела на симпатичный такой домик в два этажа, крепенький, каменный, на основательном (еще три этажа надстрой — выдержит!) фундаменте, и думала, что ломиться в ворота плохая идея. И лезть через забор — тоже. Там во дворе три собаки. Здоровущие...

Можно перетравить, но жалко. Сонного зелья подсыпать? Так пока еще действует, дурак не всполошится...

А если...

Идея была шальной и дурной, но почему бы ей не сработать? Ежели что?

И Яна закопалась в барахло, которое было в доме.

Вот когда настала пора вспомнить добрым матерным словом троих бандитов. Вещи, которые они нашкалили, Яна как в одной из комнат свалила, так и забыла. А там было кое-что нужное. Ей.

Крытая шубка, в самый раз.

Ну и шмотки кое-какие... юбка точно была... была велика раза в два. Яна плюнула, пробила ее дырками и утянула ремнем. Ушивать?

Идите вы, граждане! Она потом эту юбку Топычу отдаст! Лошадь укрывать! Принципиально!!!

Шитье она терпеть не могла. Но для первой стадии операции необходим был приличный внешний вид.

* * *

Собаки беспокоились.

— Канава, поди выйди? Глянь, чего твои шавки бесятся?

Бандит с лирическим прозвищем Канава, в девичестве — Фролка, лениво зевнул.